

Организованность в виде непосредственных действий исполнительных комитетов и в виде руководства со стороны этих комитетов и их представителей крестьянскими массами тоже имеют неодинаковое значение. Политика эс-эров заключалась в том, чтобы не втягивать широкие крестьянские массы в борьбу с помещиками. И ежели мы имеем случаи, когда исполнительный комитет ведет массу на борьбу, то это очевидно не-эсеровская политика: очевидно этот комитет сознательно или стихийно находится под влиянием не-эсеровским.

Организованность в виде непосредственных действий исполнительных комитетов тоже не может всегда являться показателем эсеровского влияния на крестьянские массы. Мы уже имели случаи указать на то, что еще в июне наметился разрыв между эс-эрами с одной стороны и сельскими и волостными комитетами — с другой. В июле этот отход стал еще большим. На долю прямых захватов в июне падало 48,8% всего количества комитетских выступлений, а в июле они уже составляют 52,5%. Таким образом, больше половины всех комитетских действий являются в июле формами не-эсеровского типа. И ежели мы видим рост удельного веса комитетских действий в июле на 6% против июня, т. е. с 31,8% в июне до 37,3 в июле, то это еще не означает того, что влияние эс-эров усилилось на крестьянское движение. Если бы выступления этих комитетов были эсеровского типа, то мы действительно могли бы сказать, что влияние эс-эров на крестьянство в июле усилилось, но мы видим совершенно обратное.

Если бы мы условно приняли все комитетские действия как за показатель усиления эсеровского влияния на крестьянские массы, то и в этом случае мы не могли бы констатировать усиления эсеровского влияния на крестьянство в июле. Это подтверждается тем,